

Положение инвалидов в царской России (Воспоминание врача)

На приёме у меня была вековуша, просила приехать в деревню Б. осмотреть её 46-летнюю сестру Парасковью. У неё 10 лет тому назад отнялись обе ноги. «Много лечилась она, да всё без пользы. Муж с ней не живёт. Году не жил вместе после венца. Лежит она в избе у племянника. Он возил её в город, клал в больницу, да пользы не оказалось. Управа через волость наказывала приехать за ней. Никто не поехал. Кому она нужна, да больная? Выписали её из больницы. Привезли из города на земской лошади и сдали старосте в деревне Л. Он отвёз её к свекору. Тот не принял. У свекора-то лавка в деревне, а муж её в селе Р. в работниках живёт.

Сельский староста подержал, подержал у себя, а потом взял и свалил на лужок у часовни. Узнал об этом племянник, сжалился, приехал и взял к себе.

Горе моё! Сокрушила она меня. Все-то глазёнки я выплакала, даже видеть плохо стала».

Спрашиваю, что у ней болит?

— На крик кричит, ночи не спит, — в ногах ломота стоит.

После обеда, часов в 6 подали лошадей, запряжённых в пошевни. После осенней тряски по замёрзшим колеям приятно ехать по первопутку. На бледно-бирюзовом небе загораются первые звёздочки. Тихо. Свежо. Мелодично звенят бубенчики. Поскрипывают полозья саней. Временами покрикивает ямщик на пристяжку. Дорога тянется по безбрежной снежной равнине. Серыми пятнами выделяются на ней деревни. Вдали темнеет лес. Направо от дороги миновали молодой осинник. Около него встретили крестьянина с ружьём и гончей. Вот наконец и цель нашей поездки. Изба в 3 окна, до самой крыши окутана на зиму соломой. Грациозно подняв хвост, по коньку крыши прыгает сорока. Увидев нас, вспорхнула и полетела к лесу. На крыльце встретила меня вековуша. Ведёт тёмными сенями в избу. Входим. Тяжёлый спёртый воздух. Посредине избы на грязном полу около перевёрнутой кверху ногами скамейки ползает годовалый ребёнок с большим животом в одной запачканной ситцевой рубашонке. Бескровное бледное личико его измазано грязью. В руке держит кусок баранки.

На лежанке у русской печи на каких-то лохмотьях лежит больная. Бледное, несколько опухшее лицо. Тонкий правильный нос и брови. Серые глаза с сильно расширенными зрачками. Русые волосы причёсаны на рядок. Голова повязана чёрным платком. Одета в коричневое платье. Ноги в валенках, прикрыты сером рваным одеялом. Увидела меня, заплакала, и стала креститься.

— Я думала, ты не приедешь ко мне... Долго лежу... 10 лет недвижима. Ноги-то как плети... Раздеваюсь.

— Все-то ноченьки не сплю. Измаялась вся. Ноженьки-то мои зябнут всё... Никак их не согрею... И ломота в них стоит. Ещё чёс на меня напал. Уж такой чёс, вся в кровь изодралась... Всё чешусь... Хоть бы-те на волос уснула ночку.

Расспрашиваю, осматриваю. Выясняется следующее: паралич обеих ног, катар желудка, вялость кишечника и чесотка. Всё тело в расчёсах.

— Возьми ты меня к себе в больницу. Может и вылечишь. Что я тут лежать-то буду? Будь такой добрый! Всем-то я опостылела, и сама жизни не рада... не даёт бог смерти. Рада помереть бы... Племянник добрый, — куском не попрекает. Да у него самого семья большая. Сам видишь...

Тут вековуша и жена племянника ввязались в наш разговор. Один работник, а десять ртов. Одних ребят 6 человек, мал мала меньше. Старшей девочке 15-й годок.

— Яви милость. Возьми ты её. Одного хлеба-то, и то никак не напасёшься. Опять же, за ней обиход требуется. Ходить не может. Замаялись мы, её таскаючи. Пожалей ты нас!

Что тут делать? Положить в больницу нельзя. Земство не разрешает класть в больницу неизлечимых инвалидов. В больнице всего 10 коек, их мало для остро заболевших, которые можно вылечить и они опять сделаются работниками. Инвалиды предоставлены сами себе, своей горькой доле.

А больная смотрела на меня полными слез глазами и тяжело становилось на душе. Обещал прислать лекарств, навестить опять и просить управу о пособии. Плакала навзрыд, когда уходил из избы, всё молила взять в больницу. Тяжёлые мысли теснились в голове. Сколько безысходного горя в жизни людей? Сколько томится по бесчисленным деревням России таких безвестных, неизлечимых страдальцев? Сколько проливается бесплодных слез.

Слёзы людские... О! слёзы людские,
Лейтесь вы ранней и поздней порой...
Лейтесь безвестные, лейтесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые,
Лейтесь вы, словно ручьи дождевые,
В осень глухую, порою ночной.

Как-то в конце зимы, когда приём в амбулатории был кончен, больные разъехались, а я уж собираюсь идти домой, слышу плач в ожидальне. Отворяю дверь и вдруг с лавки падает какая-то женщина. Ничего не понимаю. Вдвоём со сторожем поднимаем её с пола. Усаживаем на скамью. Лицо знакомое, но не могу припомнить, где я её видел. Расспрашиваю, что случилось. Прерывающимся голосом, всхлипывая и путая жалобы с мольбами, рассказывает, что её «подкинули» мне. Привезли и оставили, а сами уехали. Я узнал в ней женщину с параличом ног из деревни Б. Пришлось положить в больницу.

Прошло 3 года. Справляюсь о моей знакомке. Одна женщина мне сообщила следующее: «Жила больно плохо. Господь батюшка прибрал её. Такая видно жизнь наша. Болела... На мост её выкидывали, долго мучилась... Померла...»